

Константин ГНЕТНЕВ

г. Петрозаводск

I

В начале марта в Беломорске бывает особенно холодно. И солнце над головой стоит весь долгий день, и сугробы блестят так, что смотреть больно. А ветерок с моря прихватит, и без полушубка на улицу не выйдешь. Но полушубки в городе запретил комендант. Нужно, чтоб враг не прознал, что здесь правительство, гражданские и военные учреждения, штабы. Одним словом, столица республики на время войны.

Секретность...

Старший майор госбезопасности, начальник особого отдела Карельского фронта Илья Павлов ухмыляется — то-то тайны навёл этот служака. Уж совсем финнов за дураков держит. Павлов немолод, под сорок два, родом из-под Москвы и к холодам никак не привыкнет, мёрзнет, бывает, даже летом. Товарищи в отделе и штабные командиры порой подтрунивают над ним. Но его шуточками не пробьёшь. Главное, не заболеть бы. Двух месяцев нет, как принял отдел, и теперь нужно показать работу. С утра надел тёплое фланелевое бельё, на гимнастёрку накинул фуфайку, сверху шинель и так пошагал на службу. Благо, идти совсем недалеко.

У входа в бункер нетерпеливо топчется лейтенант Холево. И приплясывает возле часового, и короткие пробежки делает. Видно, очень замёрз.

— Срочное что-то, Сергей Иванович?

БЕСОВ НОС

рассказ

Холево покосился на часового и коротко ответил:

— Очень срочное.

И ещё не дошли до кабинета, а Павлов уже почувствовал горячий огонёк азарта. Так опытный рыбак чувствует, выйдя на хорошее место. Он ещё не видит добычи, но внутри поднимается щемящее чувство: да, да, здесь может произойти нечто, обещающее хорошую добычу. Азарт... Павлову знакомо это приятное, но и порой опасное в его службе чувство.

Лейтенант Холево занимался зафронтовой разведкой и нечасто беспокоил Павлова. Зафронтная разведка — дело нескорое, в ней быстро-быстро да скок-поскок не бывает. Здесь, чтоб испечь вкусный пирожок, нужно тесто готовить долго.

— Час назад получено сообщение о подготовке финского диверсионного отряда для выхода на восточный берег Онежского озера, — доложил лейтенант. — Предположительно, цель — Шальский лесозавод, лыжная фабрика, партизанская база и суда на зимнем отстое в устье Водлы. Отряд полтора месяца тренируется в окрестностях Петрозаводска и практически готов к рейду.

— Источник надёжный?

— Наш агент в Петрозаводске.

— Успех диверсии на тыловой базе в Петровском Яме вскружил головы, — Павлов с досадой бросил карандаш на стол. — Численность, дата выхода и маршрут известны?

— Уточняются.

— Передайте агенту, что сведения о численности отряда и маршруте для него главные на сегодня. Наиглавнейшие. И сообщения о них под грифом крайней срочности.

Павлов подошёл к карте на стене кабинета, взгляделся, кивком головы подозвал лейтенанта. Подумав немного, провёл карандашом линию от Петрозаводска на юг, до села Деревяного, потом резко повернул в озеро и поставил точку на острове Большой Клименецкий.

— Тут и семи пядей во лбу не надо, чтоб понять их задумку. Коли готовятся в Петрозаводске, значит, пойдут так. И здесь сосредоточатся.

Павлов коротким движением перевёл карандаш до устья реки Водлы:

— А ждать их нужно здесь.

Он помолчал и добавил:

— Примитивно думают. Так бывает, когда чувствуют себя хозяевами положения. Теряют голову.

Павлов вернулся к столу и вызвал комму-татор.

— Здесь Павлов, — сказал в трубку. — Соедините с командующим. — В трубке зашуршало, щёлкнуло и послышался глухой голос командующего Карельским фронтом Фролова.

— Товарищ генерал-лейтенант, — сказал Павлов. — Прошу принять. Срочное сообщение.

— Всё-то у вас, особистов, срочно. Всё-то у вас пожар. Сейчас у меня начальники управлений, через полчаса жду.

Через полчаса Павлов поднялся на генеральский этаж. Помощник командующего в приёмной-предбаннике сообщил, что совещание не закончилось и командиры ещё не вышли. Павлов прошёл в конец коридора, туда, где лестница упиралась в закрытый люк чердачного помещения. Оттуда хорошо просматривался весь коридор. И стал ждать. Он не любил случайных встреч, шумных приветствий и разговоров на ходу. Всегда старался избегать их. Он знал, что штабные за глаза называют его нелюдимым, некомпанейским и чуть ли не зазнайкой. Но ничего поделать с собой не мог. Да и не хотел, если честно признаться. Может, именно это качество и привлекло к нему внимание кадровиков НКВД, когда приглашали в контрразведку. Это разведчик должен быть компанейский и разговорчивый, всем друг — душа нараспашку, а контрразведчик порода другая.

Командиры вышли в коридор, жадно закурили и быстро разошлись по отделам. Павлов догадался: разговор у командующего состоялся тяжёлый и отбил желание просто поболтать с товарищами ни о чём.

— Извини, Илья Семёнович, задержались. Проблемы навалились на северном крыле, не успеваем разгрести.

Фролов достал из ящика стола трубку, но не зажёл, а стал просто посасывать, нервно перехватывая пальцами мундштук. Павлов знал: у командующего целая коллекция трубок. Он сам как-то похвастал. И курит он много, если не сказать беспрерывно.

— Товарищ генерал-лейтенант, — не садясь в предложенное кресло, доложил Павлов. — Получено агентурное сообщение. Финны в Петрозаводске подготовили отряд диверсантов и планируют в ближайшее время нанести удар по Шале, сжечь лесозавод и лыжную фабрику, уничтожить базу южной группы партизанских отрядов. Сроки выхода и маршрут движения уточняются.

Фролов медленно поднялся из-за стола и подошёл к карте на стене. Потом так же, не топясь, вернулся к столу.

— Что? Понравилось с гражданскими воевать, медсестёр и раненых в упор расстреливать?

— Да, товарищ командующий. Похоже, именно так. Петровский Ям им не простим, — сказал Павлов с досадой. — Это же надо: как бандиты, в глубоком тылу, ночью, безоружных... Мы считали: из 85 человек безвозвратных потерь на базе в Петровском Яме 71 находился под защитой международных конвенций — врачи, медсестры, раненые, гражданские. Все под флагом Международного Красного Креста. А бойцы... Мы выяснили, например, что из десяти погибших бойцов батальона обслуживания пятеро были в возрасте далеко за сорок, а одному так и вовсе уже исполнилось 59 лет.

— Всё верно, Илья Семёнович, — Фролов хмуро покосился на контрразведчика. — Это нам урок. Чтоб не зевали. Урок, урок, обидный, но урок...

Командующий поднял трубку телефона:

— Лев Соломонович, зайдите ко мне. — И кивнул Павлову. — Присядьте, обсудим ситуацию с начальником штаба.

Высокий и худой, словно измождённый долгим постом монах, начальник штаба Карельского фронта генерал-майор Сквирский тихо подошёл к столу и приготовился слушать.

— Контрразведка докладывает, финны сформировали диверсионный отряд и собираются атаковать Шалу и оставить фронт без лыж. Что там у нас есть?

— Почти ничего, товарищ командующий. До взвода пограничников для патрулирования побережья и сапёрный батальон со штабом в селе Семёново, километрах в десяти выше от

устья реки Водлы. Сапёры рассредоточены от Шалы до Бесова Носа и заняты строительством оборонительных сооружений и устройством минных полей.

— Это всё? Что же мы так воюем? В Петровском Яме ничего, в Шале тоже...

— Это тылы, товарищ командующий. Чтобы закрыть тылы фронта в полторы тысячи километров, никаких сил не хватит.

— Чем же встретим гостей?

— Какова, на ваш взгляд, предполагаемая численность диверсионного отряда финнов? — спросил в свою очередь Сквирский у Павлова.

— Это уточняется. На Петровский Ям выхледили сто бойцов. Думаю, в этих пределах планируются и шальская операция.

— Товарищ командующий, — продолжил Сквирский. — Полагаю, ради ста головорезов нет необходимости проводить войсковую операцию. Да и переброска в Шалу из Медвежьегорской оперативной группы батальона или даже роты непременно станет известна противнику. Придётся проехать несколько деревень, в которых наверняка торчат чужие уши.

Заметив, как напрягся Павлов, Сквирский добавил:

— Это вам не в укор, Илья Семёнович. Подобное было, есть и будет. Вы работаете, но и противник работает тоже.

— Просто нам нужно работать лучше них, — резко добавил Фролов. — Извиняться тут не следует. Каковы ваши предложения?

— Поручить операцию партизанам. Член Военного Совета Куприянов рассказывал, какие настроения царят в партизанской среде после расправы финнов над ранеными и врачами в Петровском Яме три недели назад. Будет повод поквитаться. И сил хватит. Там базируется первая партизанская бригада Григорьева, это несколько боеспособных отрядов с неплохим опытом борьбы.

— А что, разумно, — прокомментировал Фролов. Он повернулся к Павлову и предложил: — Поезжайте к комбригу Вершинину, в штаб партизанского движения. И обсудите с ним ситуацию конкретно, в деталях. Я ему позволю. И держите меня в курсе.

II

Младший политрук Черёмушкин возвратился из штаба батальона на квартиру в селе Семёново, где пребывал на постое, в крайне удручённом состоянии. Добила настроение не сама неудача на стрельбище, — к подобным неудачам он давно привык, — но поведение капитана Капустина, комбата. В присутствии подчинённых капитан позволил себе выразить пренебрежительное отношение к политруку. Во время стрельбы он приказал старшине: «Михайлов, проверьте оружие у младшего политрука Черёмушкина. Мне кажется, он ведёт огонь холостыми. Нет не только ни одного попадания в мишень, но даже в сугробы рядом». «Как он не понимает, что тем самым роняет авторитет политработника в глазах личного состава, — возмущался про себя Черёмушкин. — Говорил же ему, что очки запотели, так нет. А ещё комбат».

Черёмушкин целый день на морозе, в шинельке на рыбьем меху и кирзовых сапогах. И хотя с утра намотал на ноги вместо портянок три слоя газеты, всё равно промёрз до самых костей. Ему хотелось поскорее в маленький домишко на окраине села, где ждали натопленная печь и старенькая хозяйка. Политрук никогда бы не признался себе, что больше всего ему хотелось увидеть хозяйкину внучку Анечку, студентку второго курса педагогического института, — того, что следующим летом собирался окончить он сам, только война помешала. Одна Анечка на всём белом свете признавала в нём личность, которую в упор не замечал никто в сапёрном батальоне, где в последние месяцы служил Черёмушкин.

И сейчас, шагая в темноте по заснеженной дороге, едва попадая сапогом в узкий след санных полозьев и поминутно отступаясь, Черёмушкин тяжело думал о другом. Он жалел, что поддался на уговоры и выучился на армейского политработника. И ведь получилось это у него нечаянно, можно сказать, случайно. Черёмушкину неприятны эти воспоминания, но они непрошено лезут в голову, и никуда от них не деться.

...Однажды к ним на лекцию пришёл военный. Он долго говорил о важности фигуры политработника в армейской среде, его силь-

ной мобилизующей роли в деле воспитания настоящих героев. В завершение путаного выступления военного Черёмушкин не выдержал и ляпнул с места, что всё это можно было изложить короче.

— Это как? — язвительно спросил военный, оправившись от неожиданной дерзости какого-то мальчишки.

— К примеру, так, — ответил Черёмушкин. И процитировал: «В лице наших комиссаров мы получили новый коммунистический орден самураев, который — без кастовых привилегий — умеет умирать и учит других умирать за дело рабочего класса...»

С передней скамьи вскочил взволнованный директор и, едва сдерживая себя, тихо спросил Черёмушкина:

— Это что такое, молодой человек? Что за орден самураев, который учит умирать? Надеюсь, это цитата?

— Да, — мужественно признался Черёмушкин.

— Чья же?

— Троцкого...

Аудитория замерла. В абсолютной тишине директор и военный направились к дверям, вышли и так же тихо закрыли за собой дверь. Только теперь Черёмушкин понял, что немедленное исключение из института будет для него лучшим выходом из ситуации, которую он сам сейчас по глупости создал. И весь день потом ни в аудитории, ни в коридоре никто не подходил к нему с вопросами, не хлопал по плечу, как это бывало раньше после его остроумных ответов и реплик, мол, молодец, Лёха! Во, дал! Его обходили, как заразного больного.

Через несколько дней ребята с курса понесли заявления в военкомат. Отнёс и он. Назавтра его пригласили к военкому. Одного. В кабинете Черёмушкин увидел комиссию из трёх человек.

«На фронт просишься, Черёмушкин? — спросил военком злым голосом, резко обрывая слова. — Родину защищать решил. Заявление вот... А что ты умеешь? Что знаешь? Троцкого вон цитируешь, который зовёт умирать. Партия и Ленин заклеили его как врага народа, а ты пропагандируешь? Кого ты вспомнил? Лучше бы жизнь русских полководцев

учил, может, настоящим патриотом стал, защитником Отечества, а не болтуном».

— Кого из полководцев вы имеете в виду, товарищ военком? — невозмутимо спросил Черёмушкин.

— Да хотя бы Суворова знать обязан как студент и русский человек.

— Александр Васильевич Суворов — это не «хотя бы», по вашему выражению, — дерзко возразил Черёмушкин. — Это великий человек! Он знал несколько иностранных языков, закалил себя для походов, хотя родился и рос очень болезненным, дал противнику 60 боёв и сражений и ни одного не проиграл. Суворов перестроил армию, научил её новой стратегии и тактике. Например, бою в колонном и рассеянном строю, сражению в сочетании огня и штыкового боя, внезапности и скоротечности ударов. А ещё написал в своём труде «Наука побеждать»: «Кто не бережёт людей — офицеру арест, унтер-офицеру и ефрейтору палочки...»

Черёмушкин помнит изумлённое выражение лиц этих людей в комиссии. Ему даже неловко стало.

— Про какого полководца вы хотите узнать ещё? — добавил он. — Или, может, просветите меня на этот счёт сами? Чтобы я настоящим патриотом стал.

После долгой паузы военком велел Черёмушкину выйти в коридор и дожидаться решения там. Черёмушкин вышел. Из-за военкомовской двери доносились обрывки бурного спора и даже выкрики. «Какая армия! Какая политработа! Да его в НКВД немедленно! Под суд!» — кричал кто-то. «Парень молодой, начитался всякого, армия ему мозги вправит...» и много разного и нового услышал о себе Черёмушкин, слоняясь по коридору военкомата добрых полчаса.

Потом были три томительных месяца на курсах, исполненных лекционного нудежа и бесконечного цитирования речей, составленных в барабанном стиле, который так ненавистен Черёмушкину со студенческих времён. Уже к осени, как-то вечером, возвращаясь с курсов к себе домой на Гористую, Черёмушкин встретил однокурсницу и узнал, что директор института арестован...

После курсов он получил два бордовых квадратика младшего политрука в петлицы и прошёл череду воинских частей, где его уважали солдаты и очень не любили командиры, стараясь поскорее сплавить куда-нибудь подальше.

«Ну, не создан я для армии, для строя, не создан, — печально размышлял Черёмушкин, прибавляя шаг навстречу огонькам села Семёново. — И зачем мне всё это, зачем?»

А в Семёново Черёмушкина нетерпеливо ждала Анечка. Она уже несколько раз выходила во двор, топталась у калитки, высматривая на дороге долговязую фигуру постояльца. Но Черёмушкина всё не было и не было.

«Куда же Алёша запропастился, — думала она тревожно. — Темень кругом. А его нет».

И ещё её не на шутку печалил собственный вид. Она подходила к старенькому, выщербленному по углам зеркалу и ужасалась отражению. «Замухрышка какая-то деревенская, — ругала она себя. — Вырядилась в бабушкину фуфайку и стоптанные валенки. Стыдно на улицу выйти». Вся её зимняя одежда осталась в городе, и в Семёново приходилось носить что под руку попадётся. «Ужасно, ужасно», — думала она о своей беде, чутко прислушиваясь, не скрипнут ли замороженные доски старенького крыльца под шагами младшего политрука.

Худенькая и невысокая Анна, с ладной фигуркой и всегда мягкими и добрыми глазами, оказалась в Семёново не случайно. Только вот застряла она здесь неожиданно для себя. Ребёнком каждое лето её привозили в Семёново родители. Потом, студенткой, приезжала сама, проводила здесь, у бабушки, летние каникулы. «Ну, поехала наша Аня в деревню, на грядках отъедаться!» — шутил отец, обнимая её перед посадкой на пароход на петрозаводской пристани. Вот и теперь приехала, а тут война...

Нет, она девушка решительная и не собиралась прятаться от войны. Несколько раз ходила в Шалу, просилась на пароход до Петрозаводска, но всякий раз матросы прогоняли её, крутя пальцем у виска, мол, ты чего, девка, совсем уже? Потом Петрозаводск заняли финны, и теперь она совсем одна.

Прошлой осенью к ним в дом постучала нез-

накомая женщина. Она выглядела болезненной и испуганной. Женщина назвала фамилию и спросила Аню. Пройти в дом отказалась. Она быстро, скороговоркой сообщила, что на пристани в Петрозаводске в прошлом году летом провожала баржу с эвакуированными и какими-то ящиками, даже коровой на привязи. А на следующий день узнала, что баржу потопили финские самолёты. На той барже женщина видела родителей Анны, которых знала по работе. Женщина сразу ушла, а Аня до вечера простояла у калитки, омертвев от горя...

Почти год прожила Аня с бабушкой. Она дословно запомнила её рассказы о Гражданской войне и интервенции, о коллективизации и высылке раскулаченных на камнеразработки, что большевики организовали на недалёком острове Голец, о работе в колхозе. Прошрое из бабушкиных уст казалось Ане тяжёлым и несправедливым. Ну, а нынешняя её жизнь будто бы остановилась, замерла, не движется никуда. Целый день дом и дом, разговоры о прошлой жизни и разговоры. А в голове одни тревожные мысли.

Но теперь всё в Анечкиной жизни встало на место и обрело смысл. Теперь в ней появился младший политрук Черёмушкин...

Политрук сидел на табуретке возле горячей печи, и ноги его, опущенные в тазик с прохладной водой, ныли долгой тягучей болью. «Нешто, солдатик, потерпи, — приговаривала старушка, подливая в тазик воды. — Главное, пальцы не поморозил, я смотрела, отойдёт. Будешь завтра бегать пуше прежнего».

Черёмушкин не спорил с хозяйкой, что никакой он не солдатик, но командир, и что бегать ему не придётся, поскольку его отправляют из Семёнова на самую дальнюю точку, к югу от Шалы, на Бесов Нос. Там с десятков солдат его батальона что-то строят. Отправляют просто «с глаз долой», как выразился комбат Капустин. Полностью его напутствие выглядело так — Черёмушкин запомнил его дословно: «Тут у нас серьёзные дела заворачиваются, а ты только мешать будешь».

О каких делах говорил хамоватый комбат, до войны успевший привыкнуть к негодному стилю общения с заключёнными у себя на строи-

тельстве Сегежского бумкомбината, стало ясно уже вечером на совещании в штабе Южной группы партизанских отрядов. Руководитель группы Н.П. Аристов сообщил секретную информацию: со дня на день следует ждать нападения финских диверсантов. В устье Водлы и около Шалы строят из снега неприметные огневые точки, продумана схема расположения мобильных засадных групп и партизанских отрядов, даны распоряжения на случай развития событий по тому или иному варианту.

Одна проблема оставалась нерешённой: диверсионный отряд может напороться на минные поля, обильно расставленные вдоль побережья.

«Нужно думать, — говорил Аристов. — Один подрыв, отряд себя выдаст и повернёт обратно. И мы упустим редкий шанс отплатить врагу за Петровский Ям, за погибших товарищей, медиков и раненых и отучить соваться в наши тылы впредь».

Но как сделать, чтоб диверсанты благополучно вышли на наш берег, никто предложить не смог. Не снимать же спешно мины, для этого и недели не хватит. Думали, думали, накурили, хоть топор вешай, но ничего не решили.

Когда вышли из штаба во двор, комбат Капустин придержал Черёмушкина за рукав и повторил эту фразу: «Видишь, политрук...» и слова про серьёзные дела и что он будет только мешать. Обидно стало Черёмушкину. Мог бы пожаловаться вышестоящим, что строевики в батальоне не понимают важности политической работы с личным составом. За это комбата наверняка хорошенько бы взгрили. Но жаловаться для Черёмушкина было выше сил. Он сам жалобщиков на дух не переносил.

Пока бабушка хлопотала вокруг Черёмушкина, спасая от обморожения его ноги, Анна накрыла стол и ждала к ужину. Ей хотелось посидеть рядом с Черёмушкиным, тихо поговорить о жизни в Семёново, их совместном будущем и о многом, многом ещё. Да, они уже решили, что будущее у них будет общим. Она знала о неладах Черёмушкина на службе, что он никак не может сжиться с военной средой и зачастую делает не так, как положено у военных. Но ведь война не будет длиться вечно.

Алёша умён, грамотен, начитан. Аня была убеждена, что никто из окружающих его в батальоне даже близко не может сравниться с ним в знаниях.

Анна верила, что закончатся бои, они будут работать в школе где-нибудь в селе, и ребятишки станут любить их и целыми днями кружиться вокруг гурьбой. И жить они будут в таком вот тёплом и уютном домике, где так хорошо вдвоём.

От таких мыслей у Анечки кружилась голова и хотелось петь. Она твёрдо решила, что будет с ним рядом всегда.

А Черёмушкин в это время мучительно думал над задачей, которую так и не смогли решить на совещании у Аристова.

Минные поля...

Он хорошо знал их — сам рисовал на кальке расположение для штаба. Пройти поля просто наудачу невозможно. В этом политрук был уверен. Схема расстановки противопехотных мин и глубокий снежный покров делали мины гибельной ловушкой для любого несведущего.

Да, были там два секретных прохода: один точно на запад — по нему ходила за озеро, к Клименецким островам, наша разведка, и второй на юг, с поворотом направо, к западу, ровно через полтора километра. Этим коридором пользовался пограничный патруль, или, как его называли партизаны, «кочующая застава». Финский отряд, а в штабе говорили, возможно, до ста диверсантов, ничего о проходах не знает и тут же нарвётся. И что делать? Как быть?

Черёмушкин доел кашу, выпил чай. Тепло горячей волной поднялось от ног до груди, и сразу захотелось спать. Но спать он не мог. Черёмушкин знал, что и Аристов, и комбриг Григорьев, может, даже грубиян Капустин тоже не спят. Командиры думают, как встретить диверсантов противника. И каждый рассчитывает, что кто-то из них придумает план и это обернётся общей победой. А если никто не придумает, это станет общей неудачей.

И ещё с обидой думал Черёмушкин, что вот он тоже командир, как и они, но на него уж точно никто не рассчитывает. Чуть не в глаза говорят, мол, болтается тут случайный человек, гражданский в чужой военной форме. Ушёл-ка его подальше, чтоб глаза не мозолил.

Анечка прибрала посуду и под села к Черёмушкину.

— Аня, я должен завтра уехать, — сказал Черёмушкин. — Меня откомандировали на Бесов Нос. Как начнёт темнеть, возьму лошадь и уеду.

— Я поеду с тобой, — сказала Аня. Заметив, что Черёмушкин готов возразить, предупредила с вызовом:

— И не говори ничего. Мы же договорились, что будем вместе. И всё. Передоговариваться не будем.

— Как же я тебя возьму, подумай сама. У вас с бабушкой даже валенки одни на двоих, а там по озеру в открытых санях. А жить где? Во временной казарме с дюжиной солдат?

— Ничего не говори! Знать ничего не знаю! Договорились вместе, значит, вместе. И всё.

Анна захлопала носом, готовая заплакать. «Что же это такое получается, — думала она в отчаянии. — Жила, жила одна, не нужная никому, встретила человека, — счастье какое! И вот снова одной оставаться?»

Черёмушкин молчал, катал по клеёнке хлебный катышек и думал о чём-то грустном.

«А бабушку на кого оставляю? — подумала она. — Какая я всё-таки эгоистка! Как ей одной жить? Дрова, вода, снег...»

Она тихо плакала, слизывая с губ солёные слёзы. Как ни крути, а выходило так, что ей нужно оставаться, неизвестно на сколько отпустить Алёшу одного и снова ждать, ждать и ждать.

«Но ведь должна же быть у меня своя жизнь? — подумала она вдруг. — От всех отдельная. Разве она, взрослая девушка, не имеет права на свою собственную жизнь, решения в которой принимает только она?»

От мысли про отдельную собственную жизнь Ане стало легче. И раз решения в ней принимает только она, то ни за что, ни при каких обстоятельствах она не оставит Алексея одного.

Черёмушкину очень неловко от того, что приходится выдавать военную тайну, но обычные аргументы у него закончились:

— Анечка, послушай. В штабе говорят, на Шалу сегодня-завтра могут напасть диверсанты, устроят стрельбу, взрывы и пожары. Тебя нельзя даже из дома выходить, не то что

ехать куда-то. А я военный, командир, у меня приказ.

Анна тихо плакала и ничего не отвечала. Потом неожиданно сказала злым свистящим шепотом:

— Диверсанты, взрывы... Придумал тоже! Командир поедет, а командирская жена у печки останется бока греть. Или я тебе не жена? Мы же договорились — потеплеет, поедем в Пудож и распишемся. Или нет?

— Конечно, жена, конечно, поедем, — сказал он Анечке и, обхватив ладонями её лицо, поцеловал по очереди в оба мокрых глаза. — Вернусь с Бесова Носа, март начнётся, солнце светит с утра до вечера, красота! Отпрошусь из батальона на целый день, и поедем в райцентр, в Пудож, и получим документы, что мы законные муж и жена. И так отпразднуем, что...

Черёмушкин уже знал, уже придумал, что ему сделать, чтобы диверсанты вышли на наши пулемёты. И был уверен, что он это сумеет. Назло всем, кто не верил и не верит в него. И стало ему легко.

«Но никак, совсем никак нельзя брать с собой Анечку, — тревожно подумал он. — Это конец! Это просто невозможно».

— Хорошо, — сказала Аня, не разделяя его восторженного тона. — А пока не настал март, мы с тобой вместе поедем на Бесов Нос.

— Я же сказал, тебе нельзя ехать со мной! Туда тебе нельзя! Там опасно! Нас могут встретить финские диверсанты, и мы погибнем. И тогда не будет у нас никакого Пудожа. Это большой риск! Подумай, о чём ты просишь.

— Хорошо, езжай один, — сказала Аня тихо. Глаза у неё высохли, и она говорила зло. — Раз так боишься ехать со мной. Только знай — я пойду следом, и никто меня не удержит. Так и знай! Пешком. Дойду как-нибудь.

— Аня, я говорю серьёзно. Я знаю, что едва ли мы вернёмся живыми.

— А мне всё равно, — ответила Анна равнодушно. — Я одна не останусь. Если и погибать, так вместе.

Назавтра, в три часа пополудни, когда серое зыбкое марево наступающего со стороны озера тумана накатило на побережье, бойцы передового дозора проводили из расположения

воинской части лёгкие разъездные санки младшего политрука Черёмушкина.

— Ишь, политручок, — усмехнулся один из дозора, заиндевевший до самых бровей боец. — Хозяйственный, видать. Один не ездит. Бабу с собой взял.

Черёмушкин съехал на заснеженную ледяную пустыню Онежского озера, на многие десятки километров простирающуюся на все стороны, и не повернул на юг, к Бесову Носу, а направил лошадь прямо через минное поле по западному проходу. Он был уверен, что где-то на полпути к Большому Клименецкому острову его непременно встретят...

III

18 марта 1942 года командующий Карельским фронтом генерал-лейтенант Фролов вызвал члена Военного Совета фронта Куприянова и начальника особого отдела Павлова.

— Присядьте, товарищи, — пригласил Фролов. — Тут Аристов и Григорьев из Южной группы партизанских отрядов прислали список к награждению за разгром финского отряда. Хотел бы послушать ваши соображения.

— Я выезжал в штаб Медвежьегорской группы войск. Аристов и Григорьев докладывали результаты операции, — рассказал Куприянов. — Диверсантов пропустили к корпусам лесозавода и встретили огнём. Тех, что остались в живых, погнали на остров, где ждала партизанская засада. Отряд уничтожен. Взяты семеро пленных. Наши потери: один убит и трое раненых.

Павлов хотел что-то сказать, но закашлялся и долго сморкался в большой клетчатый платок. Выглядел он неважно, мешки под глазами, заметная бледность выдавали в нём начинающуюся простуду.

— Разрешите добавить, Валериан Александрович. Накануне боя в Шале произошёл неприятный случай. Младший политрук сапёрного батальона Черёмушкин с женой ушёл к финнам, нарвался на льду озера на диверсантов и был убит. Именно по его следу диверсанты вышли на наш берег через минные поля...

– Илья Семёнович, доложите обстоятельства, – Фролов обратился к Павлову.

– Младший политрук Черёмушкин считался знающим политработником. Его уважали в солдатской среде. Но к военной службе абсолютно не подготовлен – ни физически, ни морально и поэтому не пользовался авторитетом у командного состава. Накануне атаки его откомандировали в отдалённое подразделение на мыс Бесов Нос.

– Трус? Предатель? Ясны ли причины?

– Возможно, не выдержал службы, – предположил Павлов.

– Что рассказали пленные? Как вёл себя?

– Пленные рассказали, что держался уверенно. Сообщил, что военных на берегу почти нет, только несколько рабочих-сапёров. Партизаны сидят по домам и пьют водку. Лесозавод и другие предприятия охраняются гражданскими, да и то кое-как. На вопрос о проходах через минные поля комиссар ответил, мол, езжайте по моему следу и попадёте на берег. Пленные добавляли, что, как оказалось впоследствии, политрук их жестоко обманул.

– Предатель, собака, – зло прокомментировал Куприянов. – Перебежчик. Да ещё и наврал про своих же товарищей – пьют, не охраняют... Жаль, не попался нам в руки!

– Как погиб политрук, спрашивали пленных? – Фролов дёрнул головой, по плечам его прошла судорога. Он открыл ящик стола, достал трубку, но не набил табаком, а стал посаживать, как это он делал в минуты, когда приходилось выслушивать неприятные новости и принимать тяжёлые решения. И штабные, и Куприянов знали, что судороги командующего и трясущаяся иногда голова следствие давней контузии. Фролов получил её в бою с белополяками в далёком 1920 году.

– Говорили, умер как солдат, – ответил Павлов. – С ним ещё жена была. Она неожиданно набросилась на сержанта и поцарапала лицо до крови. «*Kuin venäläinen kissa! Kuin hurja venäläinen kissa!* – говорили пленные. – Как русская кошка! Как свирепая русская кошка!»

– Да, странная картина, – Фролов зажёл трубку и помолчал минуту. – Говорите, грамотен был. Но ведь знал, что финны на подходе, что ждём нападения, и поехал им

навстречу. Что это, глупость или расчёт? На что надеялся? И ещё эта расслабляющая бдительность диверсантов, информация о нашей неготовности к бою. Странно всё это. Очень странно...

– Наивно полагал, что с собой возьмут, в великую Финляндию, – добавил Куприянов. – Шкура!

– Куда возьмут, Геннадий Николаевич? На наши пулемёты?

– Валериан Александрович, мы с вами говорили о желании бойцов мстить за Петровский Ям, – в разговор снова включился особист. – Так вот. Вечером после боя партизаны собрали тела убитых диверсантов и поставили на лыжные палки. Утром налетели самолёты противника и расстреляли их из пулемётов. Приняли за наших бойцов, преследующих их отряд.

– Жестоко, – сказал Фролов. – Получается, бандитов расстреляли дважды. Поделом. Да. Только вот история с политруком, как его там, Черёмушкиным, мне до конца не понятна. Очень уж она неоднозначная. Странная какая-то история.

Фролов убрал трубку и пододвинул к себе бумажный листок с бледной машинописью.

– Ладно. Давайте работать. Пройдём по списку. За такую операцию и наградить не грех.

IV

На выходе из кабинета командующего фронтом член Военного Совета Куприянов придержал Павлова за локоть.

– Илья Семёнович, мы не можем оставить дело без последствий. И в сапёрном батальоне, и на партизанской базе знают о перебежчике. Нужно найти родных предателя и примерно наказать. Чтоб другие знали и молчали на ус.

Павлов вышел из штаба на улицу. Северная весна помаленьку вступала в свои права. Мартовское высокое солнце резко ударило в глаза, выступили слёзы, и радужные круги поплыли, раскрасили серенькие дома. Павлов почувствовал, как болезненный жар под-

нялся откуда-то изнутри, заполнил голову, застучал в виски.

«Ну, какая теперь мне работа, — подумал Павлов с тоской. — Неделю на квартире отваяться придётся».

Павлов возвращался к себе в особый отдел и тяжело размышлял о словах Фролова про младшего политрука Черёмушкина. Он давно обдумывал эту мысль, но не хотел указывать на неё командующему. Фролов мог ответить, мол, думай что хочешь, — странно — не странно, понятно — не понятно, — а мне доложи результат, факты выложи. А факт вот он: командир перебежал к противнику. Остальное — сплошные размышления и догадки.

Как начальник особого отдела, по должности своей, он знал о политруке больше, чем Фролов и Куприянов. В сейфе лежала стопа докладных от его людей из Шалы. Да, Черёмушкин был сугубо гражданский человек. Да, бесил командиров-строевиков. Однако его прошлая жизнь, разговоры и поведение в Шале никак не выдавали стремление перебежать к противнику. Знал Павлов и о проблеме прохода финского отряда через минные поля, так и не решенную в штабе партизанских отрядов.

«А может, это и не предательство, — подумал Павлов. — Может, мальчишка всерьёз обиделся, решил, что не лыком шит и теперь докажет это ценой своей жизни?»

Павлов спустился в бункер. Не снимая шинели, подсел к столу и вынул из верхнего ящика листок бумаги. Это было письмо наркому внутренних дел Баскакову, написанное им с утра. Письмо обычное для такого рода поводов: «...прошу организовать поиск и выявление членов семьи... с целью...» Он медленно сложил письмо вдвое и разорвал его на полоски. Потом сложил полоски узкой лентой и разорвал их ещё раз, теперь поперёк. У него начала болеть голова, ломило в висках. Павлов закрыл на ключ сейф и ящики стола и побрёл на квартиру, ругая про себя и Север, и март, и солнце, и эту паскудную войну, которая неизвестно когда закончится.

2021, март

Константин Васильевич ГНЕТНЕВ

— публицист, писатель,
окончил факультет журналистики ЛГУ
и более 30 лет работал в периодических изданиях
Карелии сотрудником и главным редактором.
Лауреат международной литературной премии
Союза писателей России «Полярная звезда»,
победитель Всероссийского литературного конкурса
«Бородино» губернатора Московской области,
лауреат премии Республики Карелия
в области литературы (2008 и 2014 гг.),
премии журнала «Север» и специальной премии Союза
журналистов Карелии «За мастерство и достоинство»;
заслуженный работник культуры Российской Федерации.

